Текст · 4 августа 2024, 17:49
Мика Голубовский,

«Да, тебя привезли в "Лефортово". Возможно, госизмену сейчас будут шить». Илья Яшин — о том, как для него проходил обмен

Политик Илья Яшин накануне обмена читал в камере «Лефортово» воспоминания Андрея Сахарова, пытался перехитрить тюремщиков, которые держали его в полной изоляции, и думал разорвать свой паспорт, как беларуская оппозиционерка Мария Колесникова, чтобы избежать высылки из России. «Медиазона» поговорила с ним о том, как разворачивались события последних недель.

Первые косвенные признаки появились за несколько дней до высылки. К политзаключенным начали приходить представители ФСИН. Как правило, это был начальник колонии либо представители управления областного ФСИН, которые начали предлагать — где-то настаивать, а где-то требовать, — чтобы мы подписали прошение о помиловании президенту. С этого момента стало понятно, что идет некий дипломатический процесс.

Ко мне в камеру пришел начальник колонии. Я вручил ему какие-то заявления. А он так, со скучающим видом, эти заявления прочитал и потом задал мне вопрос: «Собственно, а почему ты до сих пор не написал заявление на имя президента о помиловании?». Я, откровенно говоря, решил, что он, может быть, шутит, троллит меня, то есть намекает, мол, там от твоих жалоб, от твоих заявлений толку

столько же, сколько от прошения о помиловании. Хотя он вроде как не улыбался. Ну, я сказал, что не буду писать никаких прошений, потому что не вижу в этом никакого смысла — собственно, Путин меня и посадил.

На следующий день приехал замначальника управления ФСИН[1] — я был за ним закреплен. Он начал прямо на меня наезжать: «Мне доложили, что вы отказываетесь подписать прошение о помиловании. Почему?». Я говорю: «Да потому что надо писать прошение Путину. А я Путина считаю военным преступником, никакой милости от него не жду и писать ему ничего не собираюсь». Он на это смешно как-то так сказал: «Вы, конечно, можете считать его кем угодно, но вы обязаны использовать все те возможности, которые вам предоставляются». Что было достаточно странно.

Я говорю: «Слушайте, прошение о помиловании — это право, а не обязанность. Давайте закроем эту тему, потому что нет такого способа, чтобы убедить меня или заставить подписать это прошение. Это абсолютно для меня неприемлемо». Собственно, на этом разговор закончился.

А в субботу[2] пришел оперативник, сказал, что меня вызывает начальник в кабинет для разговора. По пути в кабинет меня провели мимо ворот колонии. Ворота открыли, и меня буквально запихнули в автозак. Не дали собрать вещи, ни о чем не предупредили. Видимо, думали, что я, может, сопротивляться буду или еще что-то. Собственно, почему я был в робе. Потому что, в отличие от большинства других

политзеков, которым все-таки там дали возможность собраться — кому-то полчаса, кому-то 20 минут, — мне возможности не дали. И меня, в общем, с помощью хитрости и смекалки выдворили из камеры и запихнули в этот автобус.

Достаточно быстро стало ясно, что мы едем в Москву — это спецэтап. Потому что до Смоленска там ехать достаточно близко. И пока мы ехали, конечно, разные мысли у меня были. Я думал, что, может, это новое уголовное дело, что будет какой-нибудь допрос в Следственном комитете или меня этапируют в СИЗО, чтобы вести следственные действия.

Когда мы приехали в «Лефортово», это нам тоже не объявляли. Меня — ну и других тоже, насколько я знаю, — подвезли ко входу в изолятор и завели внутрь. Я говорю: «Где мы?». «Вы в Москве. Это все, что вам надо знать». Но я там увидел на доске объявлений: «СИЗО-2 ФСИН России». А я знаю, что это «Лефортово». То есть буквально благодаря наблюдательности я сориентировался и понял, где я.

Фото: Ирина Баблоян

Меня завели в камеру, там такие маленькие двухместные камеры. В ней не было ничего, ни телевизора, ни холодильника. У меня там забрали все вещи, забрали носки и дали какие-то местные. Мне заменили штаны, потому что им не понравились мои штаны. Отобрали бейджик, который у меня был в лагере. То есть у меня и так-то ничего не было.

Отобрали последнее, что называется. И все, что у меня было в камере, — это зубная паста и щетка. Даже в душ отказались вывести, хотя это положено по ПВР[3]. Не предоставили возможность прогулки. Ну и, в общем, конечно, я стал догадываться, что, скорее всего, речь идет об обмене.

С одной стороны, да, тебя привезли в «Лефортово». Значит, возможно, госизмену[4] сейчас будут шить, или организацию какого-нибудь экстремистского сообщества, или еще что-то придумают. Но мы явно существовали вне правового поля: нам не давали того, что положено арестантам в СИЗО. И на мой вопрос сотруднику изолятора, какой сейчас мой правовой статус, он сказал: «Вы сейчас юридически находитесь в своей колонии, вы осужденный в своей колонии».

Была, правда, такая поблажка со стороны руководства изолятора. Я попросил что-нибудь почитать, говорю: «Слушайте, мне не дали собраться, у меня даже книжки с собой нет, я тут с ума сойду со скуки. Сколько мне тут сидеть нужно будет, я не знаю. Дайте хотя бы что-нибудь почитать». И мне принесли воспоминания академика Сахарова. И все эти дни до обмена я сидел и читал у Сахарова, как высылали Солженицына, как обменивали Буковского... Так что в этом плане они, конечно, проявили изрядное чувство юмора.

Чем дальше, тем больше по косвенным признакам я убеждался, что речь идет об обмене. Например, меня категорически, ни под каким предлогом не выводили из камеры. Я пытался хитрить. Говорю, мне надо к врачу — врача приводят прямо в камеру. Требую

прогулки — меня не выводят. Почему? Наверное, потому, что в соседних камерах какие-то люди, которых я знаю, мы, может, начнем перекрикиваться, и я как-то смогу сориентироваться.

Они говорили: «Потерпите, в четверг-пятницу все решится». «Что решится?» — «Ну, вам пока знать не положено».

И вот, догадываясь о том, что происходит, и не соглашаясь с обменом, я написал заявление на имя начальника СИЗО: в соответствии с Конституцией-[5] нельзя человека с российским паспортом выслать из России, если он с этим не согласен. Я написал заявление. Вручил это заявление начальнику, прибежали несколько сотрудников, которые начали говорить: «Что это вообще вы себе позволяете? Согласны вы, не согласны... Что это значит на практике?». Я говорю: «На практике это значит, что вам придется применять силу для того, чтобы меня выслать из страны, потому что ваши действия незаконны».

Ну, собственно, они это учли. Перед фактом нас поставили уже перед погрузкой в автобус, который доставил нас из «Лефортово» в аэропорт Внуково-3. Когда час настал и за мной пришел конвой ФСБ, эти ребята достаточно жестко меня взяли за руки и завели первым в автобус. На самом деле, и сопротивляться-то особой возможности не было.

Я рассматривал для себя вариант, как Колесникова, порвать паспорт. Но они, видимо, такой вариант тоже рассматривали, потому что паспорт мне вручили уже только в самолете. И это было достаточно

смешно, потому что паспорт был старый. Когда я готовился к обыску, то юридически его как бы потерял. Он был заменен на другой, который не получили следователи. Когда мне вручили паспорт, я понял, что он недействительный. И к тому же в очень плохом состоянии. То есть он даже выглядит как недействительный. И рвать его бессмысленно, потому что он уже и так весь рваный.

В общем, завели меня первым в автобус. Минут десять я сидел и ждал, когда появятся остальные. Ну, и одного за другим начали заводить и других политзеков: Андрея Пивоварова, Кара-Мурзу, Орлова и так далее. Я, конечно, сидел и с надеждой вглядывался в дверь, ожидая увидеть там Алексея Горинова, но, к сожалению, так и не дождался.

Нас довезли до терминала, выгрузили в самолет, сотрудники ФСБ сели рядом с нами. Они вели себя достаточно корректно. Позволяли себе, конечно, какие-то выпады, угрозы. Но не применяли особо силу, хотя могли. В какой-то момент у Андрея Пивоварова возник с ними конфликт, они начали на него наседать. Я напрягся, потому что казалось, что могут сейчас его ударить, и даже попытался как-то вмешаться, говорю: «Ребята, давайте все выдохнем». Но потом ситуация более или менее успокоилась. И чем дальше мы отлетали от России, тем спокойнее она становилась. В какой-то момент нам даже дали возможность переговариваться, ходить по салону.

Со мной сидел офицер ФСБ, который представился Георгием. Он даже снял маску и в какой-то момент начал рассказывать про свой боевой опыт. Я очень много его спрашивал про войну в Украине. Он

рассказывал, как он участвовал в боевых действиях, рассказывал про весенне-летнее наступление и большие потери, про украинские дроны, которые сейчас поступают на вооружение, и так далее.
Но при этом он, конечно, радикальный сторонник продолжения войны. Я спросил его, как он оценивает вероятность переговоров. Сказал, что оценивает ее как не очень высокую и очень надеется, что не будет никаких переговоров, если, цитирую, «уебки из Минобороны все не испортят».

Я уж не знаю, насколько можно на веру воспринимать эти слова, но вот такой источник. И, конечно, странная, странная ситуация, когда не фээсбэшник пытается от тебя получить информацию, а ты задаешь вопросы и он тебе что-то рассказывает. И для меня было большим сюрпризом то, что он такой общительный оказался.

Но они и угрозы себе позволяли в наш адрес. Были с нами на вы, все корректно, но подчеркивали, что считают нас врагами: «Вы особо не увлекайтесь из-за границы, потому что Красиков может и снова вернуться в Берлин или куда родина пошлет». В общем, угрозы были, но они не звучали брутально. Как-то так эти фразы пробрасывали, но старались делать это ненавязчиво. Вроде: «Мы понимаем, что ты хочешь вернуться. И ты, конечно, можешь вернуться — как Навальный. И мы тебя снова арестуем — как Навального. И закончишь ты свои дни — как Навальный».

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Илья Яшин отбывал срок в Смоленской области.

2. 27 июля.

3. Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений.

4. В СИЗО «Лефортово» держат фигурантов дел, подследственных ФСБ, в том числе дел о госизмене и шпионаже.

5. Статья 61 Конституции гласит, что гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству.